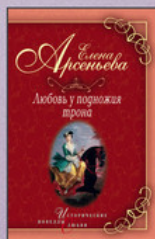

Елена Арсеньева

Две любовницы грешного святого («грекия» Эйрена и Рогнеда – ...

Часть сборника
Любовь у подножия трона
(сборник)

Елена Арсеньева
Две любовницы грешного
святого («грекия»
Эйрена и Рогнеда – князь
Владимир Креститель)
Серия «Любовь у подножия трона»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161501
Любовь у подножия трона: Эксмо; Москва; 2003
ISBN 5-699-04439-6

Аннотация

«Все осталось позади. Все неисполненные мечты и несбывшиеся надежды. Спокойная, размеренная монастырская жизнь. Все обернулось прахом. О, не зря говорят, что пути Господни неисповедимы! Ведь не выйди она, неосторожная, глупая, на закате за стены монастыря, ничего и не случилось бы. Да ладно, пусть бы вышла – и сразу назад. Но нет. Засмотрелась на небо. А не задержись, любуясь солнечным ярким, пламенным заходом, наверняка не услышала бы слабого стога. Вообще-то не услышать его было мудрено – такая тишина воцарилась вокруг. Птицы, которые на закате обычно поднимали крик – то ли прощались друг с дружкой на ночь, то ли просто так, от

нечего делать свáрились, – примолкли. Светлый Истр, звонко плескавшийся в берег, и тот отчего-то притих. Словно чары навели на весь крещеный и некрещеный мир! Словно в сон погрузили!...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Елена Арсеньева

Две любовницы

грешного святого

Все осталось позади. Все неисполненные мечты и несбывшиеся надежды. Спокойная, размеренная монастырская жизнь. Все обернулось прахом. О, не зря говорят, что пути Господни неисповедимы! Ведь не выйди она, неосторожная, глупая, на закате за стены монастыря, ничего и не случилось бы. Да ладно, пусть бы вышла – и сразу назад. Но нет. Засмотрелась на небо. А не задержись, любуясь солнечным ярким, пламенным заходом, наверняка не услышала бы слабого стога. Вообще-то не услышать его было мудрено – такая тишина воцарилась вокруг. Птицы, которые на закате обычно поднимали крик – то ли прощались друг с дружкой на ночь, то ли просто так, от нечего делать сварились, – примолкли. Светлый Истр, звонко плескавшийся в берег, и тот отчего-то притих. словно чары навели на весь крещеный и некрещеный мир! словно в сон погрузили!

Кто? Неужели боги, древние, отвергнутые боги, всем сонмом выступили вдруг из бездн, в кои были не столь давно низвергнуты, – выступили и взяли под защиту чужеземца, идолопоклонника, варвара, дикаря...

До чего же был он страшен! До чего хорош собой!

Эйрена в ужасе схватилась за горло: да ведь это один из русов, или, как их еще называли, тавроскифов!

Все в монастыре знали: нынче у крепости Доростол, ставшей последним оплотом язычников, захвативших Болгарию, Иоанн Цимисхий¹ дал решающий бой их войску. Звуки этого боя долетали до монастыря, и оттого-то мать-настоятельница была особенно строга в запретах: за ограду ни-ни! И в тихое-то время сия неосторожность не поощрялась: как ни почтительны были дикие русы к невестам Христовым, а все же береженого Бог бережет.

Сама Эйрена думала, впрочем, что почтительны язычники не столько к чужой вере, сколько к совсем уж никудышному возрасту монахинь. Это при том, что в Доростоле и окрестностях нашлось бы сколько угодно молоденьких жен и дев: свободных от религиозных запретов, на все готовых и весьма охочих до пылких русов. Таких юниц, как Эйрена, в монастыре больше не было. Оттого и жилось ей в его стенах очень уж тяжело. Сестры терпеливо ждали, когда их Бог приберет (как если бы они были залежалым по углам мусором!), а Эйрена порой до того в святых пределах скучала, что хоть о стену головой бейся.

Ее родимая матушка (гречанка из небольшой греческой колонии, поселившейся в болгарской крепости) по обету отвела дочку в монастырь – пообещала ее Господу, если поможет выжить старшему сыну, ужаленному змеей. Господь ли

¹ Император Византии в описываемое время – в 971 году.

помог, знахарь ли из крепости, который на рану слова заговорные нашептал, кровь отравленную отсосал да приложил месиво из каких-то трав, но мальчик и впрямь выздоровел. А через два дня матушка отвела дочку (лишний рот в нищей семье, заведомую безмужницу, потому что бесприданницу) в монастырь и простилась с ней навеки. Будто и не было никогда на свете девочки по имени Мелания – все о ней забыли.

Она и сама постепенно училась забывать мирское, даже имя свое забыла, училась гордиться участью Христовой невесты и смиренничать, постничать, алкать счастья в мучениях. Правда, она была дурной ученицей... С трудом привыкла к новому имени, данному ей в честь святой великомученицы Эйрены², которая была крещена самим святым апостолом Тимофеем. Святая Эйрена проповедью и чудесами обратила к вере Иисусовой родителей и тысячи людей, претерпела за это великие мучения, но осталась невредимою; скончалась она в пещере, куда к ней заходили дикие звери, обретая в ее присутствии великое смирение, ибо она была истинно возлюбленной Христовой невестой.

У Эйрены (тогда еще Мелании) был дед, который, случалось, потихоньку от ее родителей-христиан рассказывал ей про Афродиту и Анхиза, про Эрота и Психею, про Зевса и Алкмену...³ Боги и богини любили своих смертных избран-

² Греческий вариант имени Ирина.

³ Божества античной мифологии: Афродита – богиня любви; Анхиз – ее смертный любовник; Эрот – бог плотской любви; Психея – его возлюбленная и супруга,

ников иначе, чем Христос! Давали им счастье обладания, а не только бессмысленное томление и горестное усыхание плоти в какой-то там мрачной пещере. Если б дед не умер, он ни за что не позволил бы отдать его любимицу в монастырь...

Ой, грех, грех! Видно, проведал Господь про греховные мысли рабы своей Эйрены (не зря же про него говорят, что он – всеведущий!), вот и решил наказать ее. Если правду уверяют, что без Бога – не до порога, то и нынче до порога монастырского именно Господь довел Эйрену, и сподобил этот порог перешагнуть, и тишину в природе содеял, чтобы услышала она стон раненого язычника...

Эйрена присела на корточки и осторожно перевернула на спину тяжелое тело. На язычнике грязная холщовая рубаха распояской, штаны и сапоги из тщательно выдубленной, мягкой кожи. Лицо скуластое, недоброе – он даже в беспмятстве злился на кого-то. Наверное, на того, кто нанес ему тот удар по голове: кровь запеклась на виске.

Что-то словно толкнуло Эйрену. Она глянула в сторону и вдруг увидела поодаль, за камнем, еще одного человека, лежащего недвижимо. Осторожно приблизилась – и зажала рот рукой: тот человек был мертв. Это был один из воинов Цимисхия – в короткой тунике, высоко зашнурованных сандалиях, с плоским мечом. Вот только этот меч не валялся

покровительница души, любви возвышенной; Зевс – верховный бог, глава всех олимпийцев; Алкмена – его возлюбленная, смертная женщина, мать Геракла.

рядом с хозяином, а торчал в его животе... Кровь вокруг раны уже почернела и свернулась – точно так же, как кровь на виске руса.

Эйрена покачала головой: все понятно! Скиф был ранен, но отомстил за себя, убил грека, а потом лишился сознания. Она перекрестилась без страха, но с сожалением: ведь на шее у мертвого был крестильный крест. Собрат по вере! А этот скиф – дикарь... Ну что ж, если Господь не помог рабу своему, то Эйрена уж точно ничем не поможет. А потому она отвернулась от мертвого и вновь приблизилась к живому.

С виду обычный воин, однако все русы, которых она прежде видела, были острижены в кружок, а у этого голова бритая, только одна прядь волос свисала с правой стороны. Кажется, у варваров это означает знатность рода. А еще у него странные, длинные усы. Но бороды, излюбленной греками, нет – подбородок твердый, словно каменный, чуть-чуть тронут щетиной. А это что?! В левом ухе серьга с двумя жемчужинами и рубином!

Эйрена потянулась было к ней, да тут же и отпрянула, вспомнив, как недавно кто-то из монашек обмолвился: у скифского-де князя в ухе драгоценная серьга.

Неужто перед нею князь русов, именуемый каким-то варварским именем... Святослав, кажется?!

Ах, Боже праведный! Ах, среброногая Афродита! Вот какие чудеса случаются на свете!

Что же делать Эйрене? Поднять крик? Позвать на по-

мощь? Если о раненом язычнике узнает матушка-настоятельница, она немедленно пошлет гонца в императорские войска. Наверное, так и следует поступить!

Эйрена вздохнула, перекрестилась – и, намочив в ручье подол длинной холщовой рубахи, в которой ходили монашеники, принялась краешком обтирать лицо раненого.

Кожа у него была еще гладкая, на лбу нет морщин – не стар. Ни седины в волосах и в усах. Скиф, рус... пришедший из таких далей, что даже и подумать о них страшно. Какое у них там, где-то на севере... может быть, именно там живут сыны ледяного ветра Борея? Дед говорил, что зовутся они гиперборейцы и их страна излюблена Аполлоном⁴, ибо оттуда родом его мать Лето. Сам солнечный бог тоже иногда улетал туда вместе с лебедями, именно там хранил стрелы, которыми перебил циклопов⁵. Дед горевал, что в Доростоле, да и нигде в мире не почитают обычаев гиперборейских; а ведь там старцы, устав от жизни, увенчивают себя цветами, а потом бросаются в море и находят мирную кончину в его волнах. Христова же вера запрещает самовольное прекращение своей жизни, отправляет грешников в ад. Эйрена до сих пор не знает, нечаянно ли дед утонул в реке или поступил, как поступают гиперборейцы...

Девушка задумалась так глубоко, что не сразу заметила: раненый-то открыл глаза! Лежит молча и смотрит на нее.

⁴ Античный бог, покровитель искусств и наук, хранитель мировой гармонии.

⁵ Древние чудовища античной мифологии.

Глаза у него были, как вода Истра, – не то голубые, не то серые... сизые, мерцающие. Облизнул пересохшие губы, что-то сказал чуть слышно. Слов Эйрена не поняла, но догадалась, что его мучит жажда.

Вот беда, река рядом, а воды принести не в чем! Разве что в пригоршнях?

Сбегала, напоила его прямо из рук. Странное что-то в душе шевелилось, пока он пил, прихватывая губами край ее ладоней. Знаком показал – еще пить! Так она бегала трижды, а потом, опустошив «чашу», он вдруг перехватил ее руку и начал собирать языком последние капельки с ее ладони. Медленно, странно медленно, не сводя при этом глаз с Эйрены. И его влажные усы щекотали ее запястья.

Вдруг захотелось погладить его по голове, запутаться пальцами в пыльной пряди.

И стало страшно – ну до того страшно! Может быть, так почувствовала себя Европа⁶, увидав белого быка, который потом умчал ее в неведомые дали. И хочется коснуться незнакомца, и жутко, как будто немедленно вслед за этим невинным движением разверзнутся под ногами неизмеримые бездны – глубже самого Тартара.⁷

Эйрена так и не решилась потрогать руса, но он сам за-

⁶ Красавица, похищенная Зевсом, принявшим образ быка и увезшим ее за море. По преданию, земля, где она высадилась на берег, была названа в ее честь.

⁷ Тартар, или Аид, – так в античной мифологии называется подземное царство, ад.

владел и второй ее рукой, а потом притянул к себе – так, что она невольно склонилась к нему на грудь. Теперь его прозрачные, текущие глаза были совсем рядом.

– Пусти меня, – прошептала Эйрена. – Я сейчас упаду.

Однако он привлекал ее к себе ближе, ближе – и вдруг резко перевернул на спину.

«Да он же ничего не понимает! – догадалась Эйрена. – Он не знает моего языка, а я не знаю его. Как же мы будем разговаривать?»

Разговаривать пока, впрочем, не приходилось. Одной рукой скиф держал Эйренины руки, закинутае за голову, другой медленно вел вверх по ногам, сминая и задирая рубаху.

– Нет, нет, – забормотала она, поняв наконец, что сейчас случится. – Что ты делаешь? Не трогай меня, я Христова непорочная невеста!

И тут же вспомнила, что скиф ее все равно не понимает, так что говорить с ним бессмысленно. Может быть, надо кричать? Она и закричала – от боли. Но было поздно, было уже поздно, и лик Христа смиренно и незлобиво взирал с небес на позор своей непорочной невесты.

А сквозь закатные солнечные лучи вдруг явственно проглянула усмешка лукавого, забытого Эроса.

...Святослав вернулся в крепость уже ночью. При виде его воины, считавшие своего вождя погибшим и пребывавшие в полном отчаянии, разразились приветственными криками.

– Завтра зашлем послов к Цимисхию, – усталым голосом сказал Святослав, осторожно трогая запекшуюся на виске корку крови. – Мир предложим. Нельзя ему наше поражение, нашу слабость видеть. Проведает о том, что у нас все побиты и силы нет, – немедленно к крепости приступит, и тогда осады нам не выдержать. А придем как победители – со снисхождением до него – и уйдем, сохранив свою гордость. Обязались греки нам дань платить – и пускай платят. Довольно с нас будет.

– А ну как не согласится? – слышался насмешливый голос.

Это говорил один из воевод Святослава – Свенельд, названный так по имени отца своего. Старый Свенельд, погибший много лет назад, был пестуном Святослава и начальником дружины прежнего князя киевского – Игоря Рюриковича. Свенельд и его братья, Мстиша и Лют, росли вместе со Святославом.

– Кто не согласится? – нахмурился Святослав. – Этот Цимисхий? Слуга, подло убивший господина своего, законного императора Фоку? Да ему наше предложение – такая честь, что как бы не подавился! Пусть спасибо скажет, что я, князь русский, его миром удостою. Согласится с радостью! Мы у него еще такие выгоды выторгуем, что не с пустыми руками из этих краев уйдем. Все, что за эти годы взять успели, унесем с собой. Камни, золото, аксамит да алтабас⁸, кубки звон-

⁸ Бархат, парчу.

кие, коней легконогих, чернооких женщин, какая кому по нраву. Только уговор: вот эту – не трогать. Князева добыча.

И он вытянул из-за своей спины тонкую фигурку, дрожащую от ночной прохлады.

– Она мне жизнь спасла – не отпущу от себя. В Киев возьму, в моем доме жить станет.

– А княгиня что? А Малуша? – слышался голос злоехидного Свенельда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.